

Она удивительно шутила, легко и изяшно. Озорно и не обидно. Шутки Наташи были естественной составляющей наших общих бесед. Ее коронное в конце обеда: «А счета не надо» вызывало хохот не только у нас, но и веселую улыбку у официанта.

Прожив в чем-то очень не простую жизнь, она осталась абсолютно искренним и естественным человеком.

И вот случилось непоправимое. В одну минуту я потеряла что-то очень важное, нечто такое, что не у каждого в жизни и бывает, то, что и не успела толком понять, а только смутно почувствовать. Это что-то прошло мимо меня, едва задев и поманив. И я все пытаюсь понять: что же это такое?

Я вспоминаю Наташу. Да, очень умная, красивая, незаурядная, женственная, сердечная... Но это все не то! Не то, одной ей присущее, что делает ее незабываемой. Тогда что же? Я пытаюсь разглядеть и оценить главное. И в какой-то момент я понимаю. Она настоящая! Быть настоящей — редчайший дар, встретиться с настоящим человеком — ценнейший подарок.

Да, да, дочь советского высокопоставленного чиновника, закончившая престижнейший в СССР вуз, прожившая большую часть жизни за границей (столь вожеленной для многих в советское время), она осталась при всем при этом совершенно нормальным и теплым человеком. В ней все было настоящее! И любовь, и дружба, и юмор, и смех, и глубочайшие познания, и интерес к людям, и врожденная интеллигентность, и изящество, и красота, и еще многое другое, чем Господь ее щедро наделил.

Судьба подарила мне надежду на дружбу с замечательным и светлым человеком. И тут же забрала эту надежду. Горько и несправедливо. Я безумно завидую ее близким подругам, имевшим счастье дружить с ней многие годы, и вообще всем, кто знал ее дольше и лучше меня.

КОЛОКОЛА ПЕЧАЛИ

Анна ВАСИЛЬЕВА (ЩЕРБАКОВА)

Одна из отличительных черт жизни на чужбине — это то, что близкие люди всегда остаются близкими. Отчего это происходит? Может быть, от невероятной географической удаленности от Родины и жизни в своеобразной культурной и социальной капсуле — в скафандре, который запаивается герметично и навсегда. Там, внутри этого скафандра, — пронзительные, согревающие, просветляющие воспоминания, мысли, видения, голоса.

Я не вижу Наташу вне Евгения Петровича. Они как два сообщающихся сосуда. Я никогда не видела их порознь, даже в те короткие моменты, когда они не были физически рядом, они были отражением друг друга. Их внутренняя связь казалась такой всеобъемлющей, что каждое слово, жест, интонация Наташи немедленно находили отзвук, реакцию в Евгении Петровиче и наоборот.

Наташа была ошеломляющей: красавица, умница, женщина с «тайной», глубокая как океан, на берегу которого я живу. Она была отзывчива на юмор и легко смеялась, так, как смеются только уверенные в себе женщины. Она имела способность немедленно понять, почувствовать, разделить трудность, бремя и принять решение — навсегда. Так она приняла меня в свой мир, в свою семью — безоговорочно, прямо и щедро. Путеводная звезда Наташиного внимания, ее дружеского расположения осветили мой путь, укрепили мой дух на многие, многие годы. Я хорошо помню ее голос — певучий, мягкий, когда Наташа говорила с Евгением Петровичем, со своей мамой или рассказывала об их жизни в Сан-Франциско, путешествиях, друзьях. Голос сгушался, оседал, твердел, когда Наташа говорила о научных разногласиях с коллегами, спорных ситуациях, моментах, когда нужно было сделать выбор — моральный, профессиональный, гражданский. Наташа ходила легкой быстрой походкой, словно танцевала и очаровывала сочетанием неподдельной, почти детской искренности и глубокого интеллекта.

Она была очень хороша в белом. Я всегда думаю о Наташе, когда вижу ландыши. Ландыши появляются в Москве в мае — чудо светящихся фарфоровой белизной колокольчиков, не растущих в Сибири, откуда я родом, и в Калифорнии, где я прожила половину жизни. Те ландышевые колокольчики радости и нынешние колокола печали, глубокой печали по Наташе, теперь будут жить во мне очень долго. Я всегда буду носить эту печаль в скафандре своей изолированности, географической отдаленности от близких, родных мне людей, живущих в России. Хорошо то, что жизнь в скафандре не знает временных измерений. Это значит, что мои встречи с Наташей и Евгением Петровичем продолжаются, ведь мы попрощались только вчера... И совсем ненадолго.

Позднее, в октябре 2014 г., автором этих строк, Анной Васильевой, было также направлено Е.П. Бажанову письмо, часть которого мы публикуем:

«Здравствуйте, дорогой Евгений Петрович! В конце мая я была в Москве по работе, после долгих лет отсутствия. Звонила в Ваш секретариат из гостиницы днем, в рабочее время — безответно. Хотела приветствовать Вас. Теперь я понимаю, почему в мае нам была не судьба встретиться. Видя ландыши у московских станций метро, фарфоровую белизну крошечных колокольчиков, я думала о Наташе.

Мне многое хотелось бы Вам рассказать, дорогой Евгений Петрович, и поблагодарить Вас от всей души за все, что Вы и Наташа сделали для меня. Ни капли Вашего участия, Вашей и Наташиной доброты не пропали даром.

Вы могли бы гордиться программой изучения современной России, которую я создала в Монтерейском институте. Это — уникальная программа: у меня есть возможность приглашать ведущих российских специалистов читать лекции по-русски моим студентам и офицерам программ DTRA и FAO, изучающим русский язык в военных учебных заведениях в Монтерее. Моя программа — островок света и получения знаний о современной России для улучшения понимания России. Я очень хочу верить в то, что нынешняя фаза мракобесия пройдет, и мои студенты смогут внести достойный вклад в создание прагматического партнерства между США и Россией. <...>